

Хосе КУРА, певец:

У меня нет никаких приглашений из России

Известия — 2003 — 18 марта — с 12

В конце октября — начале ноября в Москве был с гастролями аргентинский оперный певец Хосе Кура, которого, для удобства обозначения его звездного статуса, иногда называют «четвертым тенором». Международная знаменитость оставила не лучшее впечатление. Не последнюю роль тут сыграли крайне неудачные место (Кремлевский дворец, где надо петь в микрофон) и компания (не слишком голосистая Любовь Казарновская и подпевка из хористов «Геликон-оперы»). Еще менее удачным оказалось время московского визита — только что состоялся штурм «Норд-Оста». На первом концерте народу было немного, а второй, на котором господин Кура должен был выступить в Большом зале Консерватории в роли дирижера, и вовсе был отменен. Спустя несколько месяцев Хосе КУРА захотел объясниться с российской публикой и дал эксклюзивное интервью обозревателю газеты «Известия» Екатерине БИРЮКОВОЙ.

— Господин Кура, объясните, почему был отменен концерт. Были слухи, что вы сочли недостаточной охрану зала и испугались.

— Я прилетел в Москву практически через день после теракта. Мне все советовали отменять концерты и возвращаться домой. Мои домашние были крайне обеспоко-

ены, они умоляли меня вернуться с первым же самолетом. Но вопреки всеобщему желанию я остался в Москве, потому что был убежден, что должен дать концерты для людей.

Мы репетировали всю неделю. Музыканты были очень грустными. Некоторые из их коллег, работающие фрилансерами, оказа-

лись внутри захваченного театра. Я пообещал оркестру, что мы дадим концерт в Консерватории с пустыми стульями для отсутствующих музыкантов — как демонстрацию солидарности. Уже через несколько дней мои отношения с Московским симфоническим оркестром стали крепче, и мы были счастливы от музыки, которую вместе играли.

Когда мы давали первый концерт, в зале было много пустых мест. Люди были так напуганы, что их не убеждала даже плотность кремлевской охраны — во время нашего концерта мы и правда были буквально окружены полицейскими и охранниками. Во время ужина после первого концерта организаторы сказали мне, что в Консерватории невозможно предпринять такие же меры безопасности, и по этой причине власти советуют отменить концерт. Никто не мог дать никаких гарантий. Мне не было никакого смысла от-

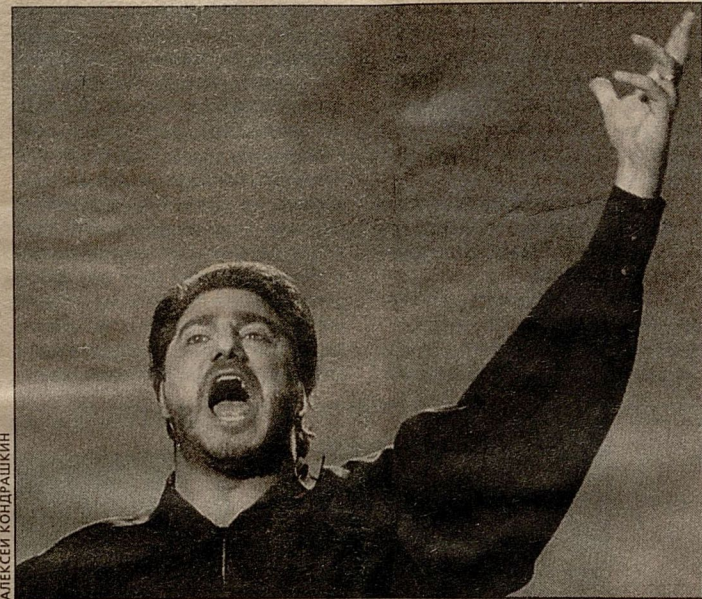
менять второй концерт после того, как я уже дал первый. Но я не единственный принимал решения, и я был вынужден подчиниться решению остальных.

— А вашим совместным выступлением с Любовью Казарновской вы довольны? Вы знали, что будет микрофонная подзвучка?

— Люба — очень хороший профессионал и приятный партнер. Я знал, что нам придется работать с микрофонами — из-за особенностей зала. Конечно, я предпочитаю обходиться без них, но в этом случае ты уже не можешь дать концерт для большого количества людей, а именно этого хотели продюсеры.

— Были ли у вас до этого совместные проекты с Казарновской? Будут ли еще?

— Я тогда впервые работал с госпожой Казарновской. На будущее у нас больше нет совместных планов.

АЛЕКСЕЙ КОНДРАШКИН

— А есть ли вообще планы работать в России? Говорят, вы серьезно увлечены дирижированием и даже готовы бросить из-за него свою оперную карьеру...

— У меня нет никаких приглашений из России. Хотя я хотел бы приехать опять. Русские музыканты великопелны и работать с ними — одно удовольствие. А что касается слухов, то они не соответствуют дей-

ствительности. У меня нет никакого намерения прекращать петь. Голос — большой дар, и я думаю, было бы неблагодарно по отношению к Господу отказываться от этого дара.

— Вам было бы интересно спеть какую-нибудь партию, скажем, в спектакле Большого или Мариинки?

— Очень. Я бы хотел поработать в опере в России. Но пока у меня нет таких предложений.